

ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА.

Поѣздка въ Бѣлгородъ.

Тихій, теплый украинскій вечеръ догоралъ, когда мы перваго сентября с. г. подъѣзжали къ Бѣлгороду, и только купола городскихъ церквей темными силуэтами вырисовывались въ вечернемъ сумракѣ, когда поѣздъ нашъ повернулъ вдоль города къ вокзалу. Городъ принялъ насъ ласково, лишь только мы вступили на его территорію: къ нашимъ услугамъ и квартира, и извошники, и все необходимое,—и все это, нужно замѣтить, по самой подходящей цѣнѣ, безъ всякаго намека на представившійся случай наживы и на безцеремонное обирание простодушныхъ богомольцевъ, какъ это обычно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Утромъ (2 сентября), лишь только первые лучи солнца освѣтили Бѣлгородъ, мы были уже около монастыря. На площади и около монастырскихъ воротъ была

масса народа, все стремились проникнуть за ограду, всем хотѣлось пройти въ пещеру Святителя и тамъ, у его святой гробницы, излить свое горе, выплакать свою наболѣвшую душу, обремененную грѣхами, измученную страданіями жизни... А около монастырской стѣны расположилась больная страдающая нищая братія, одинъ взглядъ на которую заставлялъ тоской и острой болью сжиматься непривычное къ такимъ зрѣлищамъ сердце. Тутъ были и слѣпые, и хромые, и калѣки всевозможныхъ ужасающихъ формъ. И все это стонало, плакало, пѣло жалобнымъ голосомъ, молило „милостивыхъ благодѣтелей“ подать копѣечку, сжалиться надъ ихъ дѣйствительно ужасной долей. Насъ пропустили за стѣны монастыря и нашимъ глазамъ представилась такая картина: народная толпа живымъ тройнымъ кольцомъ окружала соборъ, гдѣ въ небольшой подземной пещерѣ почивалъ Святитель, и стояла эта толпа покорная, тихая, благоговѣнно настроенная; у каждого въ рукѣ была трудовая свѣча, которую каждому хотѣлось своими руками донести до гробницы Святителя и тамъ положить у его подножія. Долгое, тсмительное ожиданіе! Говорили, что очередь приложиться къ св. мощамъ приходила черезъ 8—10 часовъ, но и это долгое стояніе, по крайней мѣрѣ — съ надеждой достигнуть пещеры и поклониться святымъ останкамъ Угодника Божія, было счастьемъ для проникнувшихъ за монастырскую стѣну, такъ какъ большинство простого народа въ эти дни не имѣло и этой возможности.

Ранняя обѣда въ небольшомъ придѣлѣ, устроенномъ надъ самой пещерой, подходила къ концу, когда мы стали въ первый разъ спускаться ко гробу Святителя. Пѣли запричастное, какъ сейчасъ помню, ирмосъ изъ конона Великой Субботы: „Ужаснися бояйся небо“... Известно, что и вообще — то нельзя безъ глубокаго сердечнаго волненія слышать пѣніе этихъ дивныхъ пѣснопѣній, а въ этой исключительной обстановкѣ въ особенности: радость отъ сознанія, что мы у пѣли своего паломничества, грусть отъ сознанія своей грѣховности и

недостойства, и вообще какое-то неопишуемое чувство охватило сердце, когда мы по ступеням небольшой лѣсенки стали спускаться въ пещеру. Масса свѣчей и лампадъ заливали своимъ свѣтомъ небольшую пещерку, а вдоль стѣны мы увидѣли открытый гробъ и въ немъ покрытые святительскими одеждами нетлѣнные останки святителя Иоасафа. Возвышающаяся въ изголовіи митра, прикрытое воздухомъ лицо, сложенные на груди руки, — все это производило впечатлѣніе, какъ будто Святитель только вчера опочилъ и что его нетлѣнное тѣло не 157 лѣтъ тому назадъ, а только недавно положили въ этотъ гробъ. Въ глубокомъ волненіи опустились мы на колѣна предъ этой драгоценной гробницей и съ умиленіемъ обლობызали нетлѣнныя мощи Святителя. Монахъ, стоявшій у изголовья, принявъ наши иконы, крестики и др. вещи, которыя мы приобрѣли на память о Бѣлгородѣ, и благоговѣнно коснулся ими къ св. мощамъ, а такъ-же снабдилъ насъ и ватой изъ гроба, которую богомольцы берутъ какъ святыню, какъ благодатное средство врачеванія отъ разныхъ болѣзней.

Священникъ *Серій Петровский*.

(Продолженіе будетъ).

повѣдуемъ, вразумляя всякаго человѣка и научая всякой премудрости,
ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА.
представить всякаго человѣка совершеннымъ во Христѣ Иисусѣ. Кол. 1, 28.

Поѣздка въ Бѣлгородъ

(Продолженіе).

Въ ожиданіи поздней литургіи мы остались тутъ-же въ соборѣ, осматривали драгоцѣнную раку, приготовленную для св. мощей, тутъ-же въ особо устроенномъ шкафу видѣли и тѣ ризы, въ которыхъ почивалъ святитель въ продолженіи 157 лѣтъ: онѣ не только не истлѣли, но не измѣнили даже своего первоначальнаго цвѣта. Подрясникъ былъ, очевидно, ватный, но вата не сохранилась, а самая матерія осталась цѣлой. Туфли, расшитыя золотомъ по бархату, лежатъ совершенно какъ новые. И все это, повторяемъ, покоилось въ теченіи 157 лѣтъ на тѣлѣ Святителя въ темномъ гробу, въ холодной сырой пещерѣ и рука тлѣнія не коснулась ихъ. — Затѣмъ началась поздняя заупокойная литургія, которую совершалъ епископъ Рыльскій Никодимъ, произнесшій чудное слово, посвященное памяти Святителя. „Еще немного, говорилъ Владыка, и опустѣетъ та пещерка, въ которую въ продолженіи многихъ лѣтъ стекались труждающіеся и обремененные разными душевными и тѣлесными недугами. Скоро звуки заупокойнаго пѣнія о Святителѣ смѣнятся торжественнымъ величаніемъ его, какъ Угодника Божія“. Въ заключеніе Владыка приглашалъ помолиться о Св. Іосафѣ и его родителяхъ — боярахъ Андреѣ и Маріи, потому что Св. Іосафъ, являясь многимъ вѣрующимъ, открывалъ имъ, что ему пріятна молитва за его родителей и что въ своихъ молитвахъ къ Богу онъ не забываетъ этихъ людей..

Но изъ всѣхъ заупокойныхъ богослуженій особеннаго вниманія заслуживаетъ всенощное бдѣніе „по парастасу“ съ 2 на 3 сентября. Многочисленный сонмъ архипастырей, заупокойный характеръ богослуженія, дивные мотивы похорон-

ныхъ пѣснопѣшій — все это умиляло и трогало душу, какъ въ страстные дни Пятка или Субботы. Пѣніе же „непорочныхъ“ съ ихъ волнующими душу припѣвами, съ ихъ умилительно-трогательными тропарями, — это было что-то для насъ неслышанное, чарующее, невольно заставившее забыть все земное и отдаться во власть охватившаго насъ святаго настроенія, во власть этихъ дивныхъ звуковъ никогда неслышаннаго пѣнія... Наступило утро 3 сентября. Это былъ послѣдній день заупокойныхъ богослуженій. Доступъ въ монастырь богомольцамъ для поклоненія Святителю съ ранняго утра былъ закрытъ, потому что въ этотъ день предполагалось переложеніе св. мощей въ новый кипарисовый гробъ. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось проникнуть рано утромъ за стѣны монастыря въ то время, когда въ маленькой церкви надъ пещерой шла ранняя литургія. Это были самыя отрадныя, самыя незабвенныя минуты моего пребыванія въ Бѣлгородѣ: за отсутствіемъ народа доступъ въ пещеру былъ совершенно свободный, пещера была пуста, можно было въ ней побыть, постоять, помолиться и даже, къ моей неопишуемой радости, явилась возможность отслужить у гроба Святителя заупокойную литію и быть около гроба съ нетлѣнными мощами въ такомъ состояніи и близости, о какой я и не мечталъ. Между ранней и поздней литургіями шли приготовленія къ переложенію св. мощей, и насъ, присутствовавшихъ въ соборѣ, священниковъ, попросили перенести изъ алтаря тотъ кипарисовый гробъ съ крышкой, въ которомъ почиваютъ теперь мощи Святителя. И когда мы опять спустились въ пещеру, поставили гробъ на уготованное мѣсто и хотѣли послѣдній разъ поклониться св. мощамъ, іеромонахъ снялъ покровы, которыми были покрыты руки Святителя, и вотъ тутъ-то мои грѣшныя очи узрѣли его нетлѣнную десницу... — Послѣ поздней литургіи и великой панихиды Московскій Митрополитъ и высшее духовенство спустились въ пещеру, св. мощи ими были переложены въ но-

вый кипарисовый гробъ, который былъ замкнуть ключемъ и ключъ былъ отданъ ключарю собора.

(Окончаніе будетъ).

Священникъ Сергій Петровскій.

Поѣздка въ Бѣлгородъ.

(Окончаніе).

Въ 6 ч вечера раздался благовѣстъ къ торжественной всенощной, но мы, къ великому нашему сожалѣнію, были предупреждены, что въ соборъ безъ особыхъ билетовъ отъ г. Губернатора пущены не будемъ. Горько было заранѣе мириться съ такимъ положеніемъ, но мы утѣшали себя тѣмъ, что увидимъ хоть крестный ходъ съ св. мощами вокругъ собора, которой долженъ былъ пройти во всенощную послѣ литіи. Кончился звонъ и прелъ нашими глазами закрылись двери собора, и никакіе наши протесты и просьбы къ полиціи и полицеймейстеру не имѣли успѣха. Но вотъ заплѣли литійныя стихиры, западныя двери снова открылись, духовенство во главѣ съ Митрополитомъ подняло изъ пещеры гробъ съ св. мощами и подъ сѣбною рипидъ и хоругвѣй понесло его вокругъ собора. Загорѣлись свѣчи въ рукахъ богомольцевъ, загудѣлъ торжественный перезвонъ колоколовъ, слышались глубокіе вздохи и восклицанія: „Св. Іосафе, моли Бога о

насть!“ Снова крестный ходъ вернулся въ западныя двери и снова эти двери закрылись для насъ, и только счастливый случай помогъ намъ въ некоторымъ священникамъ натолкнуться на боковой алтарный входъ и совершенно неожиданно для насъ проникнуть въ самый алтарь и пр.: томъ въ тотъ самый моментъ, когда духовенство облачалось и готовилось къ выходу на средину храма для величанія. Гробъ съ св. мощами стоялъ посредиѣ храма, по бокамъ его въ блестящихъ золотыхъ ризахъ встало духовенство, Митрополитъ открылъ крышку гроба, два священнослужителя отнесли ее въ алтарь и вся церковь, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣна. Священнослужители запѣли величаніе Святителю, на первомъ же словѣ его подхватили голоса всѣхъ присутствующихъ и своды Бѣлгородскаго собора, какъ побѣднымъ торжественнымъ гимномъ, огласились пѣніемъ этого перваго величанія св. Юсафу. Минута была потрясающая. Что-то пасхальное, побѣдное, радостное чувствовалось въ сердцѣ, какимъ-то особеннымъ восторгомъ сіяли лица присутствующихъ, а у многихъ на глазахъ блестяли слезы радости и умиленія. Я стоялъ и просто себѣ не вѣрилъ: не сонъ-ли это видится мнѣ, неужели я въ Бѣлгородѣ, на такомъ дивномъ и рѣдкомъ торжествѣ, да при томъ еще въ томъ самомъ алтарѣ, гдѣ этотъ прославляемый нами св. Юсафъ когда-то давно-давно тому назадъ приносилъ безкровную жертву? Да, и это былъ не сонъ, а дѣйствительность, которой не забыть мнѣ никогда! И до сихъ поръ на память объ этой незабвенной минутѣ у меня хранится, какъ дорогая святыня, та восковая свѣча, которая горѣла въ моихъ рукахъ во время обнесенія св. мощей вокругъ собора и во время пѣнія перваго величанія Святителю... Кончилась всенощная и мы получили возможность пройти изъ алтаря на средину храма для поклоненія св. мощамъ. Святитель лежалъ въ гробу какъ будто недавно почившій, подъ легкой тканью на лицѣ можно было видѣть все очертаніе человѣческаго лица, на главѣ блестяла архіерейская митра, на груди возвы-

шались сложенные нетлѣнные руки. И можно было подумать, что мы присутствуемъ на погребеніи почившаго и даемъ „последнее цѣлованіе“ умершему, но свѣтло-торжественная обстановка и восторженно-радостныя лица кругомъ говорили не о смерти, печали и тлѣннн, а о воскресеніи, радости, о нетлѣннн праведныхъ и о ихъ вѣчной славѣ .

Было около 11 ч. ночи, когда мы выходили изъ собора. Кругомъ монастырской стѣны была несмѣтная толпа. Пошелъ сильный дождь, но эта религіозно-настроенная толпа не смутилась тѣмъ, что дождь грозилъ промочить ее до костей, а осталась покорно ожидать радостнаго утра, когда должно было совершиться обнесеніе св. мощей кругомъ монастыря и, слѣд., являлась надежда хоть издали взглянуть и поклониться гробу Святителя. Когда я проходилъ по слабо освѣщенной улицѣ города, направляясь къ своей квартирѣ, я долго не могъ придти въ себя послѣ пережитыхъ сильныхъ впечатлѣннй и высокаго подъема духа. Въ глазахъ все еще мерцали горящія свѣчи и, какъ наяву, стоялъ въ воображеніи гробъ съ мощами Святителя, а въ ушахъ раздавалось пѣніе дивнаго святительскаго тропаря: „Святителю Христу Богу возлюбленне, правило вѣры и образъ милосердія людямъ былъ сси“ ... И думалось мнѣ: можетъ быть, давно-давно тому назадъ, вотъ этой-же темной улицей и этой-же самой тропой шель переодѣтый, никѣмъ незамѣчаемый, Святитель Христовъ Іоасафъ и въ своихъ святыхъ рукахъ несъ свою щедрую милостыню куда нибудь на край города, въ убогую сиротскую лачугу или въ мрачную городскую тюрьму. Но не скрылся свѣтъ добрыхъ дѣлъ его предъ очами человѣческими: больше чѣмъ полтора вѣка прошло съ того времени, когда жилъ Святитель, много изъ человѣческихъ дѣяній забылось и стерлось за это продолжительное время съ жизненныхъ страницъ, но не забылись добродѣтели Св. Іоасафа: за далью почти двухъ столѣтій онѣ такъ же ярко сіяютъ, какъ и при его жизни отъ гроба его и теперъ изливаются благодѣяння и милости на

всѣхъ съ вѣрою и любовію просящихъ его помощи, на всѣхъ страдающихъ и обремененныхъ всякими недугами, на всѣхъ отягченныхъ грѣхами многими...

„Святителю Христу Богу возлюбленне, правило вѣры и образъ милосердія людямъ былъ еси, бдѣніемъ-же, постомъ и молитвою яко свѣтильникъ пресвѣтлый просіялъ еси и прославленъ отъ Бога явился еси. Тѣломъ убо въ нетлѣнии почивая, духомъ-же престолу Божию предстоя, чудеса преславныя источаеши. Моли Христа Бога, да утвердитъ отечество наше въ православіи и благочестіи и спасеть души наша“ (Тропарь).

Священникъ *Серій Петровскій*.

Педагогическія пожеланія.

Одинъ уѣздный наблюдатель говоритъ, что ему „довелось читать письменный документъ, въ которомъ одно крестьянское общество сѣтовало, что въ школахъ ихъ селенія учебное дѣло поставлено плохо: дѣти не получаютъ никакихъ христіанскихъ навыковъ, даже страха Божія къ церкви имъ не внушаютъ. Шестопсалмія и часовъ прочесть не могутъ и пѣнію церковному ихъ никто не учитъ. Кончить ученикъ школу, молитвъ необходимыхъ толково не знаетъ... Желательно имѣть учителя христіанина, который любилъ бы нашу вѣру, Царя и Отечество, и въ этой любви воспитывалъ дѣтей нашихъ и училъ бы ихъ читать и пѣть въ церкви и успѣшно преподавалъ другіе предметы. Мы не желаемъ оставлять своихъ дѣтей въ темнотѣ“. (Уфимск. епарх. вѣдом. 1911 г.). — Вотъ — фактъ, жалоба русскаго народа, чтобы первоначальное образование необходимо объединялось съ религіознымъ воспитаніемъ.

И святая Церковь самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ поставлена блюсти и возвѣщать міру божественныя „писанія, могущія умудрити во спасеніе“, т. е. быть учительницею вѣры.